СЛАВЯНЕ, РУСЬ, РОССИЯ

Такие этнические имена, как *славянин, немец* и т. п., вызывают постоянный интерес. Это вполне понятно: выяснение происхождения названий крупных народов, племенных групп представляется заманчивой и во всяком случае любопытной целью.

Однако очень немногие отчетливо представляют себе те трудности, которые стоят на пути исследователя. Обычно, заинтересовавшись по тому или другому случаю вопросами древнейшей истории имени славян (или какого-либо иного этнического имени), обращаются к литературе, по большей части популярной, и находят достаточно определенный ответ, который соответствует одной из многих возможных точек зрения. Ответ этот и воспринимается как установленный научный результат, как достоверный факт.

В действительности дело обстоит совершенно иначе: о происхождении этнических имен почти не существует общепринятых мнений. Попытки этимологизации этнических имен на основе каких бы то ни было языковых данных — своих или чужих — по большей части кончаются неудачей, а высказываемые на этот счет мнения отличаются полной разноречивостью, несогласованностью.

Именно так обстоит дело с попытками объяснить имя славян — *словѣне,* Sclaveni, Sclavini, Stlavini, Sclavi, Stlavi, многократно встречающееся в разнообразных раннесредневековых памятниках, начиная с VI века. Таких гипотетических попыток существует много, все они об-

ладают некоторой степенью внешнего правдоподобия, но ни в какой мере не могут считаться доказательными, не представляют подлинного решения вопроса, обязательного для всех.

Имя славян производили и от *слава*, и от *слово*, и от различных географических названий. В частности уже очень давно возникло предположение об этимологической связи между *словенин* и *слово*, часто подкреплявшееся аналогичным сопоставлением: *немец* и *немой*, которое будто бы обнаруживало различия между двумя племенными группами. Такое сопоставление, внешне правдоподобное, тем не менее вряд ли выходит за рамки частых в подобных случаях народно-этимологических толкований, попыток позднейшего осмысления древних фактов на основе созвучий, чуждых действительной внутренней этимологической связи.

Поэтому можно сказать, что задача выяснения подлинной этимологии имени *славяне* до сих пор не решена. Знаменитый славяновед начала нашего века Любор Нидерле, сам немало занимавшийся этим вопросом, писал в книге «Славянские древности»: «Итак, происхождение названия славян остается невыясненным». В наше время другой выдающийся знаток вопроса — член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин, заканчивая обозрение существующих этимологий имени *словене*, говорит: «Имеется немало и других попыток объяснить происхождение этнического самоназвания славян, но среди этого множества

догадок и предположений пока нет ни одной гипотезы, которая опиралась бы на более или менее достоверные и доказуемые основания» (Образование языка восточных славян. М.— Л., 1962). К этому мнению приходится полностью присоединиться.

Вспомним и слова Ф. Энгельса: «Названия племен, по-видимому, в большинстве случаев скорее возникали случайно, чем выбирались сознательно, с течением времени часто случалось, что соседние племена давали племени имя, отличное от того, которым называло себя само племя, подобно тому как немцам их первое историческое общее название „германцы" дали кельты» (Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1951, стр. 93).

На примере одного только имени *словене* отчетливо видны причины затруднений, возникающих при определении точных истоков и этимологических связей любого древнего этнического названия. Главные из этих причин — незнание первоначальной истории племени и позднейших, часто совершенно случайных явлений, которые могли наложить печать на то или другое применение названия, а в некоторых случаях и изменить его внешнюю форму. Правда, имя *словене (славяне)* звучит в почти неизменном виде уже примерно полторы тысячи лет, но подлинной, неоспоримой этимологии его мы до сих пор не знаем.

Несколько лучше обстоит дело с этническим термином *немцы* (древнерусское *нѣмьци),* если только признать его чисто славянское происхождение, что кажется вполне правдоподобным. Об этом говорит и употребление слов *нѣмъ, нѣмый, нѣмьць* в памятниках древнерусского языка. А. Г. Преображенский, автор «Этимологического словаря русского языка», справедливо пишет: «От *нѣмъ,* без сомнения, образовано *немец* (нѣмьць), т. е. βάρβαρος, *чужой, иностранец, невнятно говорящий».* Существует и иное мнение, производящее слово *немцы* от названия германского племени неметов — Nemetes (в Северной Галлии), но оно крайне сомнительно, несмотря на венгерское német, имеющее значение 'немец' (ср. также венгерское néma 'немой', заимствованное у славян). Действительно, вполне естественно назвать неславянина, у которого «язык нем», непонятен, словом *немец.* Объем этого термина остается очень широким и не вполне определенным почти за всю историю его существования: древнерусские источники

говорят о немцах вообще, о свейских немцах (шведах), французских и т. п.

Таким же точно образом в греко-романском мире широко употреблялся термин βάρβαρος, — barbarus, обозначавший любое племя, говорящее не на греческом или латинском языке, а на каком-либо варварском (впрочем, греки и латинян причисляли к варварам).

Возвращаясь к этническому термину *словене — славяне,* необходимо подчеркнуть, что он отнюдь не составляет какой-то «антонимической» пары к термину *немцы;* предположение о существовании такой пары кажется естественным лишь с первого взгляда, а потому часто и высказывалось, но оно противоречит существующему большому и разнообразному фактическому материалу этнонимики, который обсуждать здесь невозможно.

Огромный интерес давно уже вызывает знаменитое этническое и государственное имя *Русь.* Литература, посвященная этому имени, его происхождению и истории, огромна, почти необозрима. Мы можем лишь в самых кратких и общих чертах обрисовать итоги многочисленных исследований по этому вопросу, содержащих в большинстве случаев неустранимые взаимные противоречия.

Около 70 лет назад знаменитый русский историк В. О. Ключевский в своем курсе русской истории писал об имени Русь: «До сих пор не объяснено ни историческое происхождение, ни этимологическое значение этого загадочного слова». Немногим отличается от этого и мнение академика А. А. Шахматова: «Происхождение имени Русь, несмотря на настойчивые старания ученых, остается темным» (Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919). Ф. П. Филин в 1962 году писал: «Первое самоназвание восточных славян — *Русь.* Происхождение этого имени остается загадочным».

Пока никем не представлено сколько-нибудь обоснованного и доказательного решения вопроса. Вопросов здесь в сущности два, как правильно определил Ключевский: во-первых, об историческом происхождении термина

Русь, то есть каким образом он впервые вошел в историю народов Восточной Европы в качестве этнического и территориального обозначения; во-вторых, какому языку он принадлежал первоначально и каково было его значение в этом языке, что составляет чисто этимологическую, языковедческую задачу.

Следует попутно заметить, что решение этих вопросов не имеет никакого существенного отношения к проблеме происхождения Русского государства, которое возникло, бесспорно, на восточнославянской почве. Заметно было участие в нем «чудских» (прибалтийско-финских) племен; роль скандинавских племенных групп (варягов, норманнов) заключалась не в создании государства, а лишь в образовании династии Рюриковичей, быстро ославянившейся. Кстати, длительные споры «норманистов» и «антинорманистов», нередко осложненные соображениями далеко не научного характера, внесли в свое время очень много путаницы и недоразумений в вопрос о происхождении слова Русь. Содержание этих споров, зародившихся в XVIII веке, уже не может быть отнесено к современной науке, хотя и представляет немало интересных страниц в истории общественных настроений. Для разъяснения исторического и лингвистического смысла термина Русь ни «норманистская», ни «антинорманистская» точки зрения дать ничего полезного больше не могут.

Что касается решения первого из указанных двух вопросов (об историческом происхождении имени), то он неясен потому, что древнейшие источники — древнерусские, византийские, западноевропейские и восточные — не дают вполне определенных и согласных между собою сведений о первоначальных корнях этого имени. В своей древнейшей истории термин Русь представляется то как этнический, то скорее как обозначение социального слоя, то как наименование территории — сначала под Новгородом, а потом в Правобережье Днепра, под Киевом, откуда он и распространился с течением времени на всю Русскую землю в широком понимании. Подробности самой начальной истории имени Русь остаются до сей поры слабо освещенными.

По второму вопросу — об этимологии этого термина — сказать что-нибудь определенное тоже трудно. Единственное, что можно утверждать без колебаний, — это одинаковое происхождение всех иноязычных названий Руси:

от коми *роч* и ненецкого *луца* до общетюркского *урус*. Сюда же принадлежат, конечно, финское Ruotsi, Ruossi, Ruohti, эстонское Roots и прочие прибалтийско-финские названия, обозначающие, однако, не Русь, а Швецию. Последнее обстоятельство вносит дополнительное осложнение, очень сходное с тем, которое вытекает из некоторых исторических источников, часто не позволяющих судить о древней Руси как об определенной чисто этнической группе. Добавим, что и саамские наименования шведов — Руосса и русских — Руошша также не очень проясняют картину.

Все это не позволяет точно указать первоначальную языковую принадлежность термина Русь, а тем более его этимологию. Весьма вероятно, что такая этимология лежит за пределами славянских языков, как во многих других аналогичных случаях. И здесь мы вновь убеждаемся в крайней трудности этимологизации этнических имен, еще большей, чем при разъяснении данных топонимики.

В заключение отметим, что из существующих многочисленных попыток этимологического объяснения термина Русь ни одна не заслуживает признания за ней даже какой-то степени правдоподобия. Необоснованным является и предположение о существовании гипотетического племени Рос (Rhos), будто бы упоминаемого раннесредневековыми источниками, вроде сирийского писателя VI века Захарии Ритора. В действительности это только отражение более старой традиции византийских церковных писателей и ораторов, применявших термин Рос ко всем пришельцам с севера, начиная по меньшей мере с 20-х годов V столетия: именно тогда по случаю скоропостижной смерти одного из гуннских вождей Роилы (дяди знаменитого Аттилы), собиравшегося напасть на Византию, «совершено было благодарственное моление, и патриарх Прокл держал речь, в которой уподоблял гуннов росам и мосохам [библейского] пророка Иезекииля» (Юлиан Кулаковский. История Византии. Т. I. Киев, 1913). На самом деле то, что греки передавали в переводе Библии как Рос, в оригинале означало ‘главу’ ‘начальника’, ‘князя’ (семитическое *рош*); греками оно было принято за этническое имя, а конечное *ш* передано буквой *с* (ς — сигма).

С тех пор такое сравнение любых пришельцев «с севера» с библейским Рос становится у писателей Византии трафаретным приемом, применяемым во всех случаях оди-

наково, невзирая на совершенное различие этнической принадлежности пришельцев. Когда же в IX столетии книжное Рос столкнулось у них с именем Русь, оно сделалось в византийской литературе наименованием Руси. Название это в виде *Россия* проникло на Русь лишь в XV веке (см.: А. В. Соловьев. Византийское имя России. — «Византийский временник». XII. М., 1957).

Доктор филологических наук
А. И. ПОПОВ
Ленинград

ГОД, ГОДИНА, ВРЕМЯ

В современном русском языке эти слова имеют разное значение, а между тем история каждого из них самым тесным образом связана с историей других. В далеком прошлом в русском языке (а лучше сказать древнерусском) слово *год* употреблялось в двух основных значениях: время (неопределенное) и период времени в 12 месяцев. Причем первое значение более древнее: оно встречается в церковнославянских по происхождению памятниках и в древнерусских: «Приде год ея, егда же родить отроча» (Остромирово евангелие); «Князь в тыи годы володыи всею землею Рускою» (Нестор. Чтение о житии Бориса и Глеба).

В этом значении было широко употребительным и производное *година* с экспрессивным суффиксом *-ин-а:* «Приде година да прославиться сынъ чловечьскыи» (Остромирово евангелие); «Грядеть година...» (Иларион. Слово о законе). Однако в употреблении существительного *год* и производного от него *година* было и различие. Первое передавало, как правило, понятие о времени, не отмеченном какими-либо исключительными событиями, то есть о времени как таковом: «В ней же [въ церкви] обычныя песни богу воздають в годы обычныя»